

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-64-78

EDN: FVQPWB

Домашнее насилие как социальная проблема в российском обществе: между приватностью и публичностью*

С.Д. Савин¹, В.Ф. Щепельков², А.Н. Сидорова²

¹Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия
(e-mail: savin-sd@rudn.ru; volga0@yandex.ru; eloniellem@gmail.com)

Аннотация. В последние годы домашнее насилие стало одной из наиболее обсуждаемых социальных проблем. В российском публичном пространстве идут жаркие споры о том, необходим или нет дополнительный закон о профилактике домашнего насилия, о границах вмешательства государства и общественных организаций в дела семьи, о ценностном содержании понятия «крепкая семья». При этом споры о важности криминализации или декриминализации семейного насилия проникают и в политическую плоскость борьбы либеральных и консервативных сил. Несмотря на столь широкий общественный интерес и резонансные случаи домашнего насилия, освещенные в СМИ, эта проблематика крайне скупо представлена в российском научно-исследовательском поле. В статье обозначены возможности социологического мониторинга общественного мнения по данной проблеме. Сравниваются показатели всероссийских опросов, проведенных авторами в 2019 и 2024 годы, анализируются данные официальной статистики семейного насилия за период 2015–2023 годов. Делаются выводы о характере восприятия россиянами домашнего насилия, их личном опыте, ценностных ориентациях и социальных установках при столкновении с подобной ситуацией. Домашнее насилие воспринимается большинством опрошенных как значимая социальная проблема, комплексная по характеру. Россияне относят к нему не только физическое и сексуальное насилие в отношении члена семьи, но также психологическое и экономическое насилие, причем роль психологического фактора в семье возрастает. В целом домашнее насилие носит во многом скрытый характер, поэтому оценка его масштабов требует учета косвенных факторов его появления, таких как доля отозванных заявлений потерпевших, оценка распространенности домашнего насилия в ближнем окружении (среди соседей, друзей и родственников).

Ключевые слова: домашнее насилие; семейное насилие; семейные отношения; социальные проблемы; российское общество; общественное мнение; социологические опросы

*© Савин С.Д., Щепельков В.Ф., Сидорова А.Н., 2025

Статья поступила в редакцию 04.07.2024. Статья принята к публикации 24.12.2024.

Для цитирования: Савин С.Д., Щепельков В.Ф., Сидорова А.Н. Домашнее насилие как социальная проблема в российском обществе: между приватностью и публичностью // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 64–78. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-64-78>

Проблема домашнего насилия в последние годы стала одной из наиболее обсуждаемых в России. Более того, сместился акцент в постановке вопроса — от семейно-бытового насилия в отношении детей к насилию в отношении женщин. Такой гендерный поворот связан с развитием движения за права женщин, ростом числа женских общественных организаций, кризисных центров, интернет-сообществ и СМИ. Другим важным аспектом дискуссии стала трансформация современной семьи в ценностно-ролевом плане: супружеские отношения все больше воспринимаются как партнерские, равноправные, и вопрос о главе семейства воспринимается как патриархальный пережиток. Меняется сама семейная традиция — женская генеалогическая линия становится не менее важной, чем мужская. Более того, из-за роста семейных разводов и большого количества неполных семей (мать с детьми) женская воспитательная роль в семье возрастает.

Любые изменения не проходят бесконфликтно для общественного сознания и находят отражение как на уровне общественно-политических сил, так и на уровне бытовых семейных конфликтов. Жестокие преступления, связанные с домашним насилием, вызывают большой общественный резонанс, становятся триггером дискуссий о дополнительной правовой защите женщин, в том числе о принятии отдельного закона о противодействии домашнему насилию [7]. Однако растет и количество консервативно настроенных противников таких законодательных инициатив. Трактовки традиционных семейных ценностей могут отличаться у разных социальных групп, что приводит и к различным представлениям о мерах государственной семейной политики [9; 14]. Аргументом против введения закона о домашнем насилии является и тот факт, что статистика преступлений, связанных с семейно-бытовым насилием, в последние годы показывает их снижение, и возникают опасения, что вмешательство третьей стороны в «дела семьи» может привести к росту распадающихся браков. В то же время мировой опыт показывает, что дополнительные правовые меры защиты от домашнего насилия получают все большее распространение под влиянием требований общественности [19].

Острое публичное противостояние по вопросу правовых форм профилактики и противодействия домашнему насилию наблюдалось во время обсуждения законопроекта «О домашнем насилии» в Государственной думе в октябре 2019 года. К этому заседанию специалисты СПбГУ выполнили экспертно-аналитическую работу по оценке возможностей и востребованности новых правовых норм в этой области и провели социологическое исследование, чтобы оценить степень остроты данной проблемы в российском обще-

стве. Новый закон так и не был принят, но дополнительные законодательные меры профилактики домашнего насилия сохраняют свою актуальность, что отражается в публичной информационной повестке и новых законодательных инициативах [1; 2]. Поэтому спустя пять лет, в марте 2024 года, по той же методике был проведен повторный всероссийский социологический опрос (N=1600), результаты которого будут представлены ниже.

Домашнее насилие как социальная проблема имеет множество аспектов — правовой, социокультурный, гендерный, конфликтологический, коммуникативный и др. В наши задачи входит анализ факторов, влияющих на отношение к домашнему насилию: нельзя сводить его распространенность только к исторически обусловленным ценностным особенностям культуры, гендерной социализации или недостаткам правового регулирования. Как показал опыт самоизоляции в период пандемии, во всех странах возросло число случаев домашнего насилия [15], поэтому важно понимать тенденции общественных изменений, в том числе динамику института семьи в свете ее современных функций и социальных проблем — как отражения ситуации в обществе. Если в нем широко распространены бедность, девиантное поведение, алкоголизм, наркомания и преступность, то это не может не отразиться на семейной сфере. Можно вспомнить хотя бы официальную статистику, согласно которой большинство серьезных случаев домашнего насилия происходят в состоянии алкогольного опьянения [12. С. 98], причем не только преступника, но и жертвы. Влияет на сферу насильственных преступлений и характер конфликтности в обществе, уровень его деконсолидации, разобщенности и недоверия.

С другой стороны, в современном мире (и Россия не исключение) общие тенденции гуманизации, равенства и прав человека оказывают на массовое сознание влияние не меньшее, чем искаженно понятые традиционные семейные ценности в патриархально-«домостроевском» укладе. Для современных россиян ценности прав и свобод человека входят в рейтинг самых важных [5. С. 47], и с развитием общества, ростом благосостояния населения, меняется характер социальных проблем — общественное внимание все больше привлекают проявления насилия и интолерантности в бытовой сфере; разрабатываются и внедряются программы семейной политики, защиты прав женщин, детей, людей пожилого возраста и др. Таким образом, интерес к проблеме не всегда напрямую связан с ростом преступлений или других негативных явлений, он может быть обусловлен изменением ценностных ориентаций, влияющих на социальное настроение и оценки остроты проблемы.

Мы рассматриваем семейно-бытовое насилие как прежде всего дисфункцию современной семьи в рамках институционального и аксиологического подходов. Несмотря на развитие новых концепций семьи, институциональный подход остается наиболее широко распространенным как в российской, так и в зарубежной социологии семьи. Концепция семьи как социального ин-

ститута предполагает некую упорядоченность семейных отношений (брак, рождение и воспитание детей, приоритет интересов семьи, стабильность), а также установленные роли, нормы и ценности [3]. В современном обществе насилие в семье в любых его формах не является институциональной нормой — противоречит правовым и социальным регуляторам семейно-брачных отношений, морально осуждается и потому в основном принимает латентные формы, прячется от любых форм общественного контроля.

Традиционно семья рассматривалась как институт, противоположный не только государству, но и гражданскому обществу — будучи приватной непубличной сферой и выражая больше частный интерес, чем общественный. Отсюда сложности не только правового регулирования данной сферы, но в целом общественного вмешательства в дела семьи как закрытой социальной группы. С этим связан и низкий процент обращений в полицию по случаям домашнего насилия [20], например, в США исследователи говорят о латентности более половины преступлений такого рода [17].

Тем не менее, сфера приватности семьи ограничивается там, где в силу вступает приоритет прав человека, ценность его жизни и достоинства, поэтому семья все больше входит в зону контроля государства и гражданского общества. Отсюда возрастающий интерес к правовым механизмам регулирования семейных отношений, в том числе связанным с профилактикой домашнего насилия и предотвращением его опасных рецидивов. При этом должны учитываться социокультурные особенности этноконфессиональных групп и просветительские задачи семейной политики. Большое значение для социологии имеет теория научения, исследующая особенности социализации членов семьи и социокультурные факторы, определяющие особенности мышления и поведения абузера и жертвы [8]. Например, согласно ряду исследований люди, пережившие опыт системного семейного насилия в детстве, чаще склонны оправдывать домашнее насилие, в том числе перекладывая вину на жертву [11. С.123–124]; почти половина детей, подвергшихся домашнему насилию, проживало в семьях, где насилие носило хронический характер [16. С. 137], поэтому следует учитывать семейное неблагополучие как системный фактор [18. С. 312]. Не следует отбрасывать и ситуационный подход, учитывающий роль обстоятельств при распределении функций и власти в семье [6. С. 79].

Приходится констатировать явный дефицит социологических исследований проблемы домашнего насилия в России. В последние годы было проведено несколько всероссийских социологических опросов [3; 4], но большинство исследований не носят комплексного характера и сводятся к изучению отдельных аспектов проблемы. Применение опросной методологии затруднено чувствительностью темы, возможной неискренностью респондентов в ответах на вопросы об их личной семейной жизни. Тем не менее, данные ограничения не мешают изучать общее отношение к домашнему насилию через со-

циальные установки на возникновение конфликтных ситуаций в ближайшем окружении, мнения о подходах к решению проблемы и возникающих здесь барьерах.

По определению, домашнее насилие включает в себя физическое, сексуальное, экономическое и психологическое насилие: определить уровень распространенности каждого вида можно разными методиками с применением соответствующего инструментария [4. С. 74]. Так, с некоторыми ограничениями (незарегистрированные преступления) распространенность случаев физического и сексуального насилия можно оценить благодаря статистике МВД, в том числе по заявлениям, которые были отозваны потерпевшими, по количеству обращений в кризисные центры помощи жертвам домашнего насилия. Психологические и экономические насильственные действия в семье выявляются с помощью анонимных опросных методик, в том числе применительно к социальному окружению жертв. Безусловно, не все виды и случаи домашнего насилия являются преступлениями — некоторые можно рассматривать как опасные девиации, которые требуют профилактики соответствующими программами. Следует подчеркнуть, что мы исследуем домашнее насилие в широком смысле, включая насилие в отношении детей и других совместно проживающих родственников (в том числе мужчин) [2].

Эмпирические данные были собраны Центром прикладной социологии СПбГУ (в 2019 - Центр социологических и интернет-исследований). Опрос был проведен среди россиян старше 18 лет методом личного стандартизированного интервью на основе многоуровневой стратифицированной выборки (метод квот, метод Киша, система САТИ). В сентябре 2019 года был проведен всероссийский телефонный опрос (N=1665; квоты по полу, возрасту, образованию в разрезе федеральных округов). В марте 2024 года был проведен повторный всероссийский телефонный опрос (N=1600; квоты по полу, возрасту, образованию в разрезе федеральных округов).

В последние годы социологические исследования по тематике домашнего насилия в России стали проводиться чаще, появился предметный интерес к отдельным факторам этого явления, но в то же время отсутствуют исследования, которые носили бы характер мониторинговых и позволяли бы оценивать динамику отношения населения к проблеме, а также частоту личного или опосредованного столкновения с соответствующими ситуациями. Наше исследование, проведенное по единой методике, позволяет частично ликвидировать этот пробел, сравнив данные 2019 и 2024 годов и дополнив их анализом криминальной статистики преступлений в области семейно-бытового насилия (отчетность была получена в МВД по запросу авторов).

Как мы уже отмечали, по данным статистики МВД о насильственной преступности в России, за последние годы снизилось число преступлений, подпадающих под категорию домашнего насилия: например, с 2017 до 2023 годы количество преступлений, сопряженных с насильственными действиями

в отношении члена семьи, сократилось с 49629 до 31155 (таблица 1). При этом ситуация в абсолютном выражении выглядит не так однозначно вследствие проблем с регистрацией таких преступлений: например, после рекордного взлета числа случаев домашнего насилия в 2016 году, в 2017 году наметилось резкое их падение почти в два раза, что не может быть объяснено реальным изменением ситуации. В связи с изменением Уголовного кодекса была изменена модель сбора статистических данных МВД по побоям. Этот вид насильственных преступлений занимает значительное место в статистике нетяжких (но зачастую систематических) преступлений в отношении членов семьи, поэтому реальную динамику фактов домашнего насилия можно проследить за период 2017–2023 годов, согласно которой изменения в лучшую сторону не столь значительны, колеблются в пределах 5%–10%, но, по крайней мере, серьезных случаев домашнего насилия не стало больше, ситуация стабилизировалась.

Таблица 1

Абсолютные показатели насильственных преступлений в отношении члена семьи (2015–2023)

Потерпевшие	Количество преступлений								
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
По всем членам семьи	49629	64451	34029	33363	32713	33764	32941	28941	31155
В отношении члена семьи-женщины	72,1%	76,7%	73,4%	73,4%	72,5%	73,4%	74,3%	72,8%	71%
В отношении члена семьи-несовершеннолетнего	22,8%	18,5%	13%	15,2%	19,3%	21,5%	23,1%	25,1%	34,8%

Обращает на себя внимание тот факт, что более 2/3 всех преступлений в сфере домашнего насилия совершаются в отношении женщин, но из них только половина в отношении супруги (рисунок 1) [13. С. 237]. Статистика показывает, что от домашнего насилия страдают все члены семьи, что характеризует его как дисфункцию института семьи, обусловленную не только проблемой супружеских отношений. Тем более, что данные МВД за период с 2017 года показывают устойчивый рост доли преступлений в отношении несовершеннолетних в семьях.

Анализируя результаты социологического опроса, прежде всего необходимо отметить общественное восприятие домашнего насилия и факторов, его обуславливающих: большинство опрошенных (61%) считает, что домашнее насилие — это серьезная социальная проблема российского общества, но за последние годы острота ее восприятия несколько снизилась. Если в 2019 году однозначно острой проблемой домашнее насилие называли 35% (больше трети), то в 2024 — только 25% (таблица 2). Чаще остроту проблемы подчеркивают женщины (31% — острая проблема, 41% — скорее острая), а также молодежь до 25 лет (37% — острая, 36% — скорее острая).

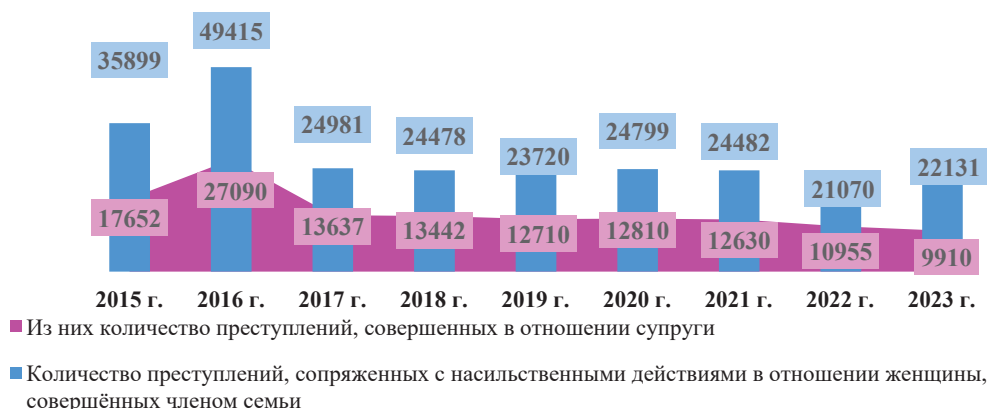

Рис. 1. Количество преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении женщины, совершенных членом семьи (в том числе супругами) в России

Таблица 2

Домашнее насилие как проблема (в %)

«Проблема семейного (домашнего) насилия в России является острой проблемой или нет?»	2019	2024
Да	35,1	25,1
Скорее да	31,2	35,8
Скорее нет	17,1	22,3
Нет	8	7,6
Затрудняюсь ответить	8,5	9,2

Одним из факторов снижения оценок домашнего насилия как острой проблемы стало некоторое изменение информационной повестки. Вследствие начала специальной военной операции и усиления консервативного тренда в пропаганде национальных ценностей тематика домашнего насилия ушла с «первых полос» государственных СМИ и новостных агрегаторов. Тем не менее, информация о домашнем насилии по-прежнему широко распространена — отвечая на вопрос «Вы часто слышите о проблеме семейного (домашнего) насилия в СМИ (газетах, журналах, по телевидению, радио, в Интернете)?», каждый третий выбрал вариант «время от времени» (33,9%; в 2019 году — 24%), а доля тех, кто предпочел вариант «часто», сократилась с 31% до 21%. Проблема домашнего насилия в наибольшей степени представлена в социальных медиа и в целом в виртуальном пространстве, что, вероятно, связано с влиянием женского движения и популяризацией психологической помощи: в Интернете активно обсуждаются случаи домашнего насилия и разных его форм, в том числе проблема виктимблейминга, на фоне увеличения числа обращающихся за психологической помощью (5) и растущего спроса на научно-популярную литературу по психологии личности

и межличностным отношениям, а также популярности каналов и пабликов по данной тематике.

Дестигматизация дискуссий о домашнем насилии в виртуальной среде и СМИ подключает все больше людей к активному обсуждению проблемы и позволяет лицам, столкнувшимся с семейным насилием, но не определяющим таковое как насилие, не только изменить свое мнение, но и рассмотреть для себя возможность придать свой случай огласке в СМИ или социальных сетях. Необходимо отметить, что проблематика семейного насилия и его замалчивания активно поднимается и в кинематографе. Как следствие характеристики, подпадающие под определение семейного насилия, понимаются россиянами достаточно широко: они относят к нему не только физическое (96 %) и сексуальное насилие (88 %), но также психологическое (87 %) и экономическое (61 %), т.е. доступность информации о разных аспектах и видах насилия могла повлиять на увеличение количества людей, идентифицирующих действия, совершенные в отношении них, как насилие. Так, в 2024 году по сравнению с 2019 годом выросла доля указавших, что к ним в детстве применялось насилие со стороны родственников (27 % против 16 %), доля респондентов-жертв насилия, отметивших, что за прошедший год со стороны семьи в их отношении было совершено моральное (психологическое) насилие (90 % против 37 %), и доля респондентов-жертв насилия, обращавшихся за психологической помощью (в кризисные центры, службы доверия и т.д.) — 15 % против 9 %.

О значительной роли социально-психологических факторов домашнего насилия в российском обществе говорят и представления жертв насилия о мотивации абьюзеров: чаще всего причина агрессии видится жертвам в психологических проблемах личного характера (48 %), желании власти и контроля со стороны агрессора (41 %), семейных традициях (19 %), или же агрессия трактуется как вина жертвы (14 %), т.е. фактор традиции в домашнем насилии явно не воспринимается как ведущий. Об этом говорит и отношение к традиционной поговорке «милые бранятся — только тешатся», которая имеет аналоги и других культурах [1. С. 21]. В наших опросах большинство высказало несогласие с данным утверждением, и этот показатель вырос с 56 % до 68 %, а согласились в той или иной степени с данной поговоркой 25 % (этот показатель несколько выше в Северо-Кавказском федеральном округе и среди старших возрастных групп).

То же можно сказать о смягчении методов семейного воспитания — на молодых родителей большое влияние оказывает психологически ориентированная медийная повестка, огромное количество популярной психологической литературы и других источников по воспитанию детей, которые в большинстве своем содержат руководства по мягким ненасильственным методам. Так, в результатах опроса 2024 года значительно уменьшилась доля респондентов, считающих себя строгими родителями (3 % против 12 % в 2019 году), 24 %

считают себя мягкими, нетребовательными родителями (17 % в 2019 году, снизилась доля родителей, считающих, что они не занимаются воспитанием своих детей вовсе (на 2,4 %), и доля положительных ответов на вопрос о применении физического наказания детей. Согласно данным в таблице 3, сегодня методы семейного воспитания в целом смягчились по сравнению с теми, что применялись к нынешним родителям в их детстве.

Таблица 3

Меры воспитания детей в прошлом и настоящем (в %)

Варианты мер наказания и воспитания	Применялись ко мне в детстве (% от имеющих несовершеннолетних детей)		Применяю к своим детям (% от имеющих несовершеннолетних детей)	
	2019	2024	2019	2024
Можно серьезно наказать, вплоть до применения силы	16,2	22,6	2	1,4
Можно слегка воздействовать, «шлепнуть», когда не слушается	24,3	25,8	18,3	16,1
Физическую силу не применять, но можно сильно отругать	24	28,6	35	40,8
Воспитание только разъяснительными спокойными беседами и замечаниями	20,5	15,8	35,5	34,7

Интересно, что при этом уменьшилась доля родителей, считающих, что их отношения с детьми имеют доверительный характер (67 % против 75 %), все больше родителей признают наличие отдельных проблем в отношениях с детьми (27 % против 17 %). Однако признание наличия проблем в воспитании детей говорит и о готовности к поиску мягких вариантов их решения, тогда как уверенность в том, что отношения с ребенком лишены сложностей, может свидетельствовать об авторитарном укладе семьи (ребенок находится в подчиненном положении, его мнение не учитывается), при котором более вероятно применение насилия. Следует отметить, что в опросе 2024 года родители склонны учитывать мнение ребенка по важным вопросам, связанным с его жизнью (смена школы и т.д.): 38 % указали, что такие вопросы не могут быть решены против воли ребенка, 41 % отметили, что по отдельным вопросам мнение ребенка может быть решающим, т.е. почти 80 % так или иначе считаются с мнением ребенка по важным вопросам, даже если оно не совпадает с мнением родителя.

В целом результаты опроса свидетельствуют о все большем осмыслении респондентами проблемы насилия в семье и собственного опыта. Об этом говорят и ответы на вопросы о получении психологической травмы или иных негативных последствий своего детства. Мы снова видим увеличение доли положительных ответов: более половины респондентов выбрали варианты «да» или «скорее да» (57 % против 44 % в 2019 году); существенно увеличилась доля респондентов, указавших, что они наблюдали случаи домашнего насилия (43 %), причем 21 % стали свидетелем последнего по времени случая семейного насилия в течение последнего полугодия (до опроса). Чаще всего респонденты фиксируют насилие среди соседей (56 %), родственников (40 %), друзей и близких знакомых (35 %). При этом несколько уменьшилось количество людей, готовых вмешаться в такую ситуацию (52 % против 61 %) — лично или обратившись в правоохранительные органы (таблица 4). Это может быть связано с тем, что многие просто не знают, что делать при столкновении с семейным насилием, куда обращаться (21 %); 42 % знают, как действовать, но в реальной ситуации выполнение требуемых действий может вызвать затруднения; 36 % знают, что делать и куда обращаться, но на фоне низкого уровня доверия к правоохранительным органам, неверия в их способность эффективно решить проблему и с учетом рисков личного характера при попытке разрешить семейный конфликт количество желающих вмешаться в ситуацию по определению не может быть большим.

Таблица 4

Реакция свидетелей ситуации домашнего насилия (в %)

Как Вы повели себя в этой последней по времени ситуации?	2019	2024
Сообщил в правоохранительные органы	14,8	13
Лично вмешался, постарался изменить ситуацию	46,1	39,4
Просто дал совет	14,4	16
Другое	5,7	8,8
Ничего не делал, это не мое дело	18	21

Таким образом, проведенное социологическое исследование — одна из первых попыток разработать методику социологического мониторинга отношения к проблеме домашнего насилия в российском обществе. Предложенная опросная методика позволяет выявить не только общее

ценностное отношение к проблеме, но и социальные установки, определяющие поведение людей при личном столкновении с домашним насилием. Применяемые вопросы о том, доводилось ли респонденту быть свидетелем домашнего насилия в его ближайшем окружении, помогает оценивать реальное распространение этого явления, а не опираться только на данные официальной статистики. Также исследование выявило ряд факторов, влияющих на возникновение семейного насилия: так, большую роль играет психологический фактор, который проявляется в дисфункциональном семейном окружении — психологические проблемы могут быть связаны и с пережитым прежде травматическим опытом (в том числе в детстве), и с неумением выстраивать доверительные и партнерские отношения в семье.

Необходимые в этом случае первичные меры — профессиональная психотерапевтическая помощь в семье, которая в нашей стране, к сожалению, мало развита [10. С. 5]. Поэтому вопросы профилактики домашнего насилия относятся преимущественно к сфере деятельности социальных служб и НКО, а потом уже МВД и соответствующих правовых инструментов. Следует также отметить проблему правового просвещения и информирования граждан и проблему доверия правовым институтам, в том числе полиции [8]. Значение социокультурного фактора видится нам в ценностном конфликте, который выражен сегодня в российском обществе: не только результаты опроса, но и публичные дискуссии в информационном пространстве свидетельствуют о различных взглядах на проблему домашнего насилия в свете разного понимания семейных ценностей (в том числе их определения как традиционных) мужчинами и женщинами, старшими поколениями и молодежью, жителями крупных городов и глубинки. Однако, несмотря на эти различия, опрос показал доминирующее представление о домашнем насилии как важной общественной проблеме, как явлении, не совместимом с нормами и ценностями современной семьи.

Информация о финансировании

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00424, <https://rscf.ru/project/24-28-00424>.

Примечания

- (1) Закон о домашнем насилии: что он может изменить и кто выступает против: <https://rtvi.com/news/zakon-o-domashnem-nasilii-chto-on-mozhet-izmenit-i-kto-vystupaet-protiv>
- (2) Коммерсант. Борьба с домашним насилием // <https://www.kommersant.ru/theme/2713>.
- (3) ВЦИОМ. Худой мир — или добрая ссора? <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/khudoj-mir-ili-dobraya-ssora>
- (4) Russian Field. Поддержка закона о домашнем насилии. Всероссийский телефонный опрос 23 мая — 2 июня 2024 года. https://web.telegram.org/k/#@russian_field_soc
- (5) ВЦИОМ. В поисках психологической помощи <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-poiskakh-psikhologicheskoi-pomoshchi>

Библиографический список

1. Абдукаримова З.Т., Кайназарова М.Б., Суркова С.С. Оценка причин и факторов, способствующих росту латентности домашнего насилия в отношении женщин в Казахстане // Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің ХАБАРШЫСЫ. Құқық сериясы. 2024. № 1.
2. Гришко Н.А. Преступное насилие, совершаемое женщинами в семейно-бытовой сфере: Дисс. к.ю.н. Курск, 2019.
3. Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 1.
4. Казун А.П. Влияние пандемии коронавируса на домашнее насилие: обзор международных исследований // Женщина в российском обществе. 2022. № 1.
5. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, июнь 2024 года / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова и др. М., 2024.
6. Крылов Д.С. Теоретико-методологические подходы к исследованию домашнего насилия // Вестник АГУ. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. № 3.
7. Китайцева О.В. Проблема домашнего насилия в отношении женщин в российском медиапространстве: основной репертуар российских СМИ // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 25.
8. Ларина Т.И., Старостина А.А. Социокультурные особенности проблемы домашнего насилия в России // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 6.
9. Муравьева М.Г. «Я и моя семья категорически против этого закона»: гендерное гражданство и домашнее насилие в современной России // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 3.
10. Насилие в семье / Ю.М. Антонян, В.А. Рачицкая, Е.М. Тимошина, А.В. Швабауэр. М., 2021.
11. Ушакова Я.В., Матюгина М.В. Отношение молодежи к домашнему насилию: пережитый опыт и будущие практики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 4.
12. Щепельков В.Ф. Противодействие домашнему насилию в Российской Федерации: состояние и перспективы // Криминалистика. 2022. № 2.
13. Щепельков В.Ф., Савин С.Д., Тимошина Е.М. Домашнее насилие в Российской Федерации (состояние, проблемы криминологической оценки) // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 3.
14. Chaplin S. The rhetoric of traditional values in contemporary Russia // Post-Secular Conflicts: Debating Tradition in Russia and the United States / Ed. by K. Stoeckl, D. Uzlaner. Innsbruck University Press, 2020.
15. Kourti A., Stavridou A., Panagouli E. et al. Domestic violence during the covid-19 pandemic: A systematic review // Trauma, Violence & Abuse. 2021 // URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/15248380211038690>.
16. McDonald R., Jouriles E.N., Ramisetty-Mikler S. et al. Estimating the number of American children living in partner-violent families // Journal of Family Psychology. 2006. Vol. 20. No. 1.
17. Nix J., Richards T.N. The immediate and long-term effects of covid-19 stay-at-home orders on domestic violence calls for service across six U.S. jurisdictions // Police Practice and Research. 2021. Vol. 22. No. 21.
18. Puzanova Zh.V., Filippov V.M., Simonova M.A., Larina T.I. Domestic sexual child abuse: Social and social-cultural aspects // RUDN Journal of Sociology. 2021. Т. 21. № 2.
19. UN GA Intensification of efforts to eliminate all forms of violence against women and girls. Report of the Secretary-General. 2022 // URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/465/68/pdf/n2246568.pdf?token=1xoI7XbmZXXXnFgZri&fe=true>.
20. Zhaohui Su, McDonnell D., Cheshmehzangi A. et al. What “family affair?” Domestic violence awareness in China // Frontiers in Public Health. 2022. Vol. 10.

Domestic violence as a social problem in the Russian society: Between privacy and publicity*

S.D. Savin¹, V.F. Shchepelkov², A.N. Sidorova²

¹RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Saint Petersburg State University,
Universitetskaya Nab., 7–9, Saint Petersburg, 199034, Russia

(e-mail: savin-sd@rudn.ru; volga0@yandex.ru; eloniel@gmail.com)

Abstract. In recent years, domestic violence has become one of the most discussed social problems. In the Russian public space, there are heated debates about the necessity of an additional law on the prevention of domestic violence, the limits of state and public organizations' intervention in family affairs, and the value content of the concept "strong family". At the same time, there are debates about the importance of criminalizing or decriminalizing domestic violence in the field of political struggle between liberal and conservative forces. Despite such a broad public interest and high-profile cases of domestic violence covered in the media, this issue is poorly represented in the Russian scientific research. The article outlines the possibilities of sociological monitoring of public opinion on this problem. The authors compare indicators of the all-Russian surveys conducted in 2019 and 2024 and analyze official statistics on domestic violence from 2015 to 2023 to make conclusions about the Russians' perception of domestic violence, their personal experience, value orientations and social attitudes when facing such a situation. Domestic violence is perceived by most respondents as a significant social problem, complex in nature and implying not only physical and sexual violence against a family member but also psychological and economic violence; therefore, the role of the psychological factor in the family increases. In general, domestic violence is largely hidden in nature, so, to assess its scale, the authors suggest to use a combination of indirect factors such as the share of withdrawn statements of victims, people's assessment of the prevalence of domestic violence in their immediate environment (among neighbors, friends and relatives).

Key words: domestic violence; family violence; family relations; social problems; Russian society; public opinion; sociological surveys

For citation: Savin S.D., Shchepelkov V.F., Sidorova A.N. Domestic violence as a social problem in the Russian society: Between privacy and publicity. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1): 64–78. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-64-78>

*© S.D. Savin, V.F. Shchepelkov, A.N. Sidorova, 2025

The article was submitted on 04.07.2024. The article was accepted on 24.12.2024.

References

1. Abdukarimova Z.T., Kainazarova M.B., Surkova S.S. Otsenka prichin i faktorov, sposobstvuyushchih rostu latentnosti domashnego nasiliya v otnoshenii zhenshchin v Kazahstane [Assessment of causes and factors contributing to the increased latency of domestic violence against women in Kazakhstan]. *L.N. Gumilev atyndazy Euraziya җлтық университетинің НАВАРSHYSY. Құқық seriyasy*. 2024; 1. (In Russ.).
2. Grishko N.A. *Prestupnoe nasilie, sovershaemoe zhenshchinami v semejno-bytovoj sfere* [Criminal Violence Committed by Women in the Domestic Sphere]. PhD Thesis. Kursk; 2019. (In Russ.).
3. Gurko T.A. Teoreticheskie podkhody k izucheniyu transformatsii instituta semyi [Theoretical approaches to the study of the family institution transformation]. *Sotsiologicheskyy Zhurnal*. 2020; 26 (1). (In Russ.).
4. Kazun A.P. Vliianie pandemii koronavirusa na domashnee nasilie: obzor mezhdunarodnyh issledovaniy [The impact of the coronavirus pandemic on domestic violence: A review of international studies]. *Zhenshchina v Rossiyskom Obshchestve*. 2022; 1. (In Russ.).
5. *Kak zhivesh, Rossiya?* Ekspres-informatsiya. 54 etap sotsiologicheskogo monitoringa, iyun 2024 goda [How are you, Russia? Express Information. 54th Wave of Sociological Monitoring, June 2024]. V.K. Levashov, N.M. Velikaya, I.S. Shushpanova et al. Moscow; 2024. (In Russ.).
6. Krylov D.S. Teoretiko-metodologicheskie podkhody k issledovaniyu domashnego nasiliya [Theoretical-methodological approaches to the study of domestic violence]. *Vestnik AGU. Seriya 1: Regionovedenie: Filosofiya, Istoriya, Sotsiologiya, Yurisprudentsiya, Politologiya, Kulturologiya*. 2019; 3. (In Russ.).
7. Kitaitseva O.V. Problema domashnego nasiliya v otnoshenii zhenshchin v rossiyskom mediaprostranstve: osnovnoj repertuar rossijskih SMI [The problem of domestic violence against women in the Russian media space: Main repertoire of the Russian media]. *Nauka. Kultura. Obshchestvo*. 2022; 28 (25). (In Russ.).
8. Larina T.I., Starostina A.A. Sotsiokulturnye osobennosti problemy domashnego nasiliya v Rossii [Social-cultural features of domestic violence in Russia]. *Obshchestvo: Sotsiologiya, Psikhologiya, Pedagogika*. 2023; 6. (In Russ.).
9. Muravyeva M.G. “Ya i moya semiya kategoricheski protiv etogo zakona”: gendernoe grazhdanstvo i domashnee nasilie v sovremennoj Rossii [“My family and I are absolutely against this law”: Gender citizenship and domestic violence in contemporary Russia]. *Interaksiya. Intervyu. Interpretatsiya*. 2021; 13 (3). (In Russ.).
10. *Nasilie v seme* [Violence in the Family]. Antonyan Yu.M., Rachitskaya V.A., Timoshina E.M., Shvabauer A.V. Moscow; 2021. (In Russ.).
11. Ushakova Ya.V., Matyugina M.V. Otnoshenie molodezhi k domashnemu nasiliyu: pe-rezhity opyt i budushchie praktiki [The youth’s attitudes to domestic violence: Past experience and future practices]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye Nauki*. 2022; 4. (In Russ.).
12. Shchepelkov V.F. Protivodeystvie domashnemu nasiliyu v Rossiyskoy Federatsii: sostoyanie i perspektivy [Countering domestic violence in the Russian Federation: The state and prospects]. *Kriminalist*. 2022; 2. (In Russ.).
13. Shchepelkov V.F., Savin S.D., Timoshina E.M. Domashnee nasilie v Rossijskoj Federatsii (sostoyanie, problemy kriminologicheskoy otsenki) [Domestic violence in the Russian Federation (state, issues of criminological assessment)] *Vserossiyskiy Kriminologicheskyy Zhurnal*. 2024; 18 (3). (In Russ.).
14. Chaplin S. The rhetoric of traditional values in contemporary Russia. *Post-Secular Conflicts: Debating Tradition in Russia and the United States*. Ed. by K. Stoekli, D. Uzlaner. Innsbruck University Press; 2020.

15. Kourti A., Stavridou A., Panagouli E. et al. Domestic violence during the covid-19 pandemic: A systematic review. *Trauma, Violence & Abuse*. 2021. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/15248380211038690>.
16. McDonald R., Jouriles E.N., Ramisetty-Mikler S. et al. Estimating the number of American children living in partner-violent families. *Journal of Family Psychology*. 2006; 20 (1).
17. Nix J., Richards T.N. The immediate and long-term effects of covid-19 stay-at-home orders on domestic violence calls for service across six U.S. jurisdictions. *Police Practice and Research*. 2021; 22 (21).
18. Puzanova Zh.V., Filippov V.M., Simonova M.A., Larina T.I. Domestic sexual child abuse: Social and social-cultural aspects. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (2).
19. UN GA Intensification of efforts to eliminate all forms of violence against women and girls. Report of the Secretary-General. 2022. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/465/68/pdf/n2246568.pdf?token=1xol7XbMZXXXnFgZri&fe=true>.
20. Zhaohui Su, McDonnell D., Cheshmehzangi A. et al. What “family affair?” Domestic violence awareness in China. *Frontiers in Public Health*. 2022; 10.